

М.Р. Арпентьева
Калуга, Россия

Современный город и модели мультикультурных взаимодействий

Аннотация. В современном мире глобализация и урбанизация сталкиваются с тенденциями этнического возрождения и рурализации, происходит активная коммерциализация и коммодификация жизнедеятельности сообществ и людей, возникают более или менее локальные сопротивления в виде изоляции и самоизоляции сообществ и объектов производства, что приводит к трансформациям культурных ландшафтов, городского пространства и времени, а также к трансформациям личностной и социальной идентичности жителей, к переосмыслению и актуализации посреднической и иной направленной на гармонизацию мультикультурных контактов деятельности. Цель работы – анализ проблем современного городского сообщества в контексте анализа путей согласования (преодоления барьеров и конфликтов) моделей взаимодействия и взаимоотношений разных этнических, религиозных, социально-экономических и историко-политических групп, это сообщество образующих. Метод исследования – теоретический анализ основных трендов построения отношений и взаимодействия различных этнических, религиозных, социально-экономических и историко-политических групп в городских сообществах. Результаты исследования: новые тенденции развития человеческой цивилизации, в том числе ее городских форм жизнедеятельности, ведут к проблематизации привычных способов формирования и развития профессионально-трудовых и семейно-личностных отношений, соблюдения и ретрансляции норм социального порядка (закона) и идеологических норм жизнедеятельности, обостряют вопросы социальной и личностной безопасности и их соотношения с вопросами свободы и права на собственную жизнь, социальное, физическое и нравственное пространство-время.

Ключевые слова: урбанистика, городские исследования, социальное неравенство, глобализация, урбанизация, этническое возрождение, рурализация, коммодификация, мультикультурность, десакрализация.

Сведения об авторе: *Арпентьева Мария Равильевна, доктор психологических наук, доцент, профессор каф. психологии развития и образования, Калужский государственный университет; e-mail: mariam_rav@mail.ru*

Введение. Современные урбанистика и городские исследования (urban studies) – один из наиболее интенсивно развивающихся трендов в социологии, психологии, культурологии и т.д. Изучение жизнедеятельности и

взаимоотношений городских сообществ затрагивает проблемы социального неравенства сообществ, связанные с целым рядом различий, источниками которых являются как индигенные черты самих сообществ, в том числе этнических и религиозных, так и характеристики человеческих отношений, связанные с особенностями социально-экономического уклада, политической и исторической сторонами жизнедеятельности. В настоящее время глобализация и урбанизация сталкиваются с тенденциями этнического возрождения и рурализации. В результате возникают весьма интересные и неоднозначные явления типа «субурбанизации», при которой происходит слияние крупных городов в агломерации и метрополии, поглощение деревень, иных сельских поселений, активизируются человеческие, информационные и производственные потоки, в том числе миграции, происходит активная коммерциализация и коммодификация жизнедеятельности сообществ и людей, возникают более или менее локальные сопротивления в виде изоляции и самоизоляции сообществ и объектов производства, что приводит к трансформациям культурных ландшафтов, городского пространства и времени, а также к трансформациям личностной и социальной идентичности жителей, к переосмыслению и актуализации посреднической и иной направленной на гармонизацию мультикультурных контактов деятельности. Современный город мультикультурен. Мультикультурность создает широкую палитру успехов и неудач в общении, деятельности представителей разных лингвокультурных сообществ.

Цель работы – анализ проблем современного городского сообщества в контексте анализа путей согласования (преодоления барьеров и конфликтов) моделей взаимодействия и взаимоотношений разных этнических, религиозных, социально-экономических и историко-политических групп, это сообщество образующих.

Метод исследования – теоретический анализ основных трендов построения отношений и взаимодействия различных этнических,

религиозных, социально-экономических историко-политических групп в городских сообществах.

Результаты исследования. Новые тенденции развития человеческой цивилизации, в том числе ее городских форм жизнедеятельности, ведут к проблематизации привычных способов формирования и развития профессионально-трудовых и семейно-личностных отношений. Эти тенденции существенно затрудняют, проблематизируют вопросы соблюдения и ретрансляции норм социального порядка (закона) и идеологических норм жизнедеятельности, обостряют вопросы социальной и личностной безопасности и их соотношения с вопросами свободы и права на собственную жизнь, социальное, физическое и нравственное пространство-время. Они ставят проблемы социального служения и взаимопомощи людей и сообществ как в частных, так и публичных пространствах, провоцируют расширение репертуаров формальных и неформальных городских практик, изменяют осознание и переживание времени (одновременно все ускоряющегося и стоящего на месте – феномен «день сурка»). Они инициируют и усиливают расширение и углубление тенденций «лоскутизации» и «гибридизации» таких аспектов жизни людей как представление о себе и мире (персональная и социальная идентичность), отношение к себе и миру (ценностные, идеологические ориентиры), индивидуальные модели и социальные нормы поведения. Возникают «мозаичные» структуры, имеющие более или менее выраженные и стабильные границы отдельных фрагментов или «лоскутов», поддерживающиеся такими механизмами, как эгалитарная взаимность, добровольное самопричисление – самоотчуждение, гибридная идентичность и идеологический консюмеризм. Лоскутное сознание, лоскутная идентичность, лоскутные модели отношений, сводящиеся порой к «проверке контакта», подтверждению присутствия другого вместо обмена жизненно важными смыслами, стали повседневностью. В сфере этнических отношений возведенный в ранг идеологии консюмеризм и сопутствующие ему аспекты

(коммодификация и отчуждение отношений, обесценивание человеческой жизни, дереференция ценностей и десакрализация) нашли выражение в практиках мультикультурализма, «защиты прав» и «толерантности», провоцирующих фашизм и иные деформации социальной публичной и приватной жизни людей. Современные виды миграции одновременно содержат компоненты беженства, попыток спасти свою жизнь и выжить, и захвата, «колонизации наоборот», территориальной экспансии, попытку утвердить свое бытие и способность управлять своей жизнью и попытку избежать забот об отстаивании этой способности и жизни. Параллельное, непересекающееся друг с другом, изолированное существование городских сообществ и культур оборачивается параллельным и во многом изолированным существованием людей, значительно отличающихся по своим ценностным и психологическим характеристикам, взаимопроникновение и взаимообогащение сочетается с взаимным отчуждением и взаимным обеднением. Идентичность мигрантов и аборигенов подвергается расщеплению и гибридизации: столкновения друг с другом и чужой культурой, «беспредел улицы», перерастающий в беспредел в семейных отношениях – насущная проблема современного, аномичного, лишённого сакральных и всеми признанных ценностных опор общества. Поскольку общечеловеческие ценности лишь декларируются, то интегрированной идентичности достичь становится часто невозможно: коммодификация поглощает остатки ценностных ориентаций и культуры в целом. Человеческие существа становятся своеобразными, хотя и фиктивными, товарами, управляемыми законами спроса и предложения: коммодификация означает вытеснение духовных, человеческих ценностей ценностями потребления, разрушение культур и сообществ – их носителей – под воздействием десакрализации. Попытка «уравнять» культуры и людей, так или иначе сведя их ценность в глобализированном мире к нулю, приводит к росту социального, психологического, духовного неравенства. При этом психологические, социальные и нравственные аспекты этнического

неравенства в городском пространстве создают огромное количество проблем, которые сообщество и государство решить либо не может, либо не хочет. Одно из типичных оправданий – оправдание невозможности: современный город поликультурен, в нем живут представители разных этносов и культур, которые не стремятся отказаться от этих культур и своей идентичности, однако, так или иначе вынуждены считаться с ценностями, представлениями и моделями, отраженными понятием «глобальной» культуры. В результате возникает многоуровневый и многоаспектный конфликт, которого нельзя избежать, и который, якобы, нельзя трансформировать. Однако, такие конфликты хотя и неизбежны, их качество и количество, интенсивность и охват (экстенсивность) могут быть существенно различны.

Во-первых, действительно нужно признать, что поликультурность – характерная черта многих современных сообществ. Одно из ведущих измерений поликультурности – национальное, к нему примыкает конфессиональное многообразие, а также многообразие возрастное, половое, экономическое, профессиональное и т.д. Решение «национальных вопросов» выступает как зеркало решения социальных вопросов в целом, в нем отражаются все проблемы и «разнообразия» иных типов: обращаясь к понятиям этнического и религиозного, исследователь и практик получают доступ к осмыслению и трансформации всех иных вопросов и проблем.

Во-вторых, на сегодня существует множество концепций поликультурных отношений и их регуляции, таких как интернационализм, мультикультурализм и транскультурализм, по-разному рассматривающих суть отношений человека и общества, общества и государства. Каждая из существующих концепций построения отношений в поликультурных сообществах несет свои теоретические и практические возможности и ограничения и связана с представлением о желательном / идеальном и нежелательном социально-экономическом строе и его идеологии. Движение от интернационализма и мультикультурализма к транскультурализму

сопровождается попытками построения общества и государства, отношения в которых регулируются духовно-нравственными императивами, имеющими общечеловеческий смысл и направленными на утверждение человеческого достоинства и ресакрализацию высших, общечеловеческих ценностей бытия.

В-третьих, социальные и психологические последствия решения этих проблем как множественны, так и многоуровневы: от трансформации личностной и социальной идентичности отдельных людей до трансформации политической и культурной картины мира в целом, судьбы человечества как таковой. Современные социология и политология, например, используют для осмысления происходящих трансформаций отношений людей и сообществ понятия национального единения и национального сепаратизма [20, 21, 22, 25]. Социальная психология обращает внимание на проблемы соотношения индивидуальной, личностной и культурной идентичности, в том числе, возможности их несовпадения, рассогласования, частичного или диспропорционального формирования и трансформирования, в том числе гибридности или лоскутности, фрагментарности и противоречивости.

Национальное разъединение или сепаратизм, во многом связанные как с этническим возрождением, ростом этнического самосознания наций, так с глобализацией и ее идеологией противостояния и потребления, противоположно также свойственным современности тенденциям объединения, межнационального единства. Эти тенденции существуют как в рамках попыток разрешения долговременных конфликтов и преодоления барьеров в отношениях больших и малых национальных, религиозных и идеологических групп, так и в рамках тенденций оживления идеалов «общенационального патриотизма» или всеобщей глобализации, завершающим этапом которой выступает мондиализация, проект создания всеобщего государства [3, 4, 6]. При этом всеобщему государству, очевидно, не будет особого дела до различий людей и даже культур: тотальная власть, как показывают примеры больших и малых государств, лишь развращает представителей государства, сводящих

интересы сообщества к собственным интересам с одной стороны и кровно заинтересованных в уничтожении культур, с их (нравственными) предписаниями и запретами, отличными от (правовых) запретов и предписаний государства, с другой. Внутренней канвой сепаратистских, разделяющих и интегративных, «объединенческих» тенденций является проблема прав и обязанностей людей, сообществ по отношению к себе, друг другу, окружающему миру в целом, а также проблема близости и чуждости в этих отношениях и проблема достойного, уважительного, принимающего отношения к особенностям (ценностям, пониманиям, моделям поведения друг друга) [22, 23, 24, 26]. Решение «национальных вопросов», вопросов взаимопонимания культуры людей как носителей разных культур и языковых практик выступает как зеркало решения вопросов социальных в целом.

Рассмотрим, как происходит решение вопросов отношений большинства и меньшинства, культурного и социального неравенства в рамках разных моделей. Каждая из существующих концепций построения отношений в поликультурных сообществах имеет свои возможности и ограничения и связана с определенным социально-экономическим строем и его идеологией.

Как известно, на пути решения проблем «своего» и «чужого» человечество выработало несколько моделей: социализм, век XX, предложил понятие интернационализма, обращенного к идеалам, капитализм XX-XXI веков – мультикультурализма, современность и посткапитализм XXI века ввели в «игру» понятие транскультурализма [1, 9, 15, 16, 17]. Все они – интернационализм, мультикультурализм и транскультурализм, – по-разному рассматривают суть отношений человека и общества, общества и государства, по-разному решают проблемы социального неравенства и справедливости.

Интернационализм был предложен в качестве антитезы национализма с его односторонней «справедливостью». Интернационализм – это идеология, пропагандирующая дружбу и сотрудничество между нациями, в том числе солидарность людей в борьбе против капитализма. Интернационализм, как и

остальные идеи социализма, поддерживает идеал социального равенства как равенства трудящихся, которым, по мысли классических исследований в этой области, должны принадлежать и ресурсы, и средства, и продукты труда, и прибыль от их использования и/или продажи. Всеобщее равенство декларировалось наряду со всеобщим уважением ко всем культурам, однако, то, что мешало «всеобщему равенству», могло быть и становилось объектом дискуссий или преследования. Интернационализм существует и до сих пор. Он существует как важная альтернатива глобализации с ее «мультикультурностью» как «буржуазным космополитизмом», понимаемым как отрицание всякой национальной культуры. В противовес «буржуазному национализму» как идеологии национальной исключительности и шовинизма, интернационализм обращен к ценностям единения, равенства, однако, его использование затруднено тем, что осмысление интернационализма осуществлялось в контексте скорее «прикладном», чем теоретическом. Это феномен, духовно-нравственные основы которого не были осмыслены и потому «создавали проблемы»: не желавшие дружить и сражаться вместе против капитализма «отсекались» от сотрудничества. Кроме того, интернационализм предполагал большую или меньшую унификацию повседневной жизни людей: не опираясь на законы нравственные, он предложил, как и капитализм, законы юридические, заменив частную собственность государственной, вместо того, чтобы сделать ее собственностью народа. Юридические же законы оказались с легкостью «обходимыми», «нарушаемыми» и трансформируемыми, как и любые иные законы права – наследия кастовых миров рабовладельческого, феодального, буржуазного [12]. Социализм повел народы и сообщества по пути, на котором сегрегация и сепаратизм так или иначе стали неизбежностью: энергия недовольства социальной асимметрией, несправедливостью и неравенством, правовым (арбитражным) произволом и нелегитимностью буржуазного «представительства» народной воли в социалистических и буржуазных «демократических» государствах вылилась в иной произвол –

тотально нелегитимное уничтожение стран «социалистического лагеря», сопровождавшееся расколом этих стран и населяющих их народов по всем линиям противостояний и непониманий. В результате разнообразия и непоследовательности в применении тех или иных моделей и понятий, идентичности и жизни людей и сообществ становятся все более противоречивой, внутренние и внешние противоречия смешиваются в единый «запутанный клубок», узел. Люди и сообщества живут, «связанные одной цепью». В итоге наступает стадия «разрубания узлов». В этом процессе поначалу социализм «обходился» поиском внешних и внутренних врагов, попытками создания мирового социализма и внутренними «чистками», включая массовые переселения народов, уничтожение интеллигенции и священничества, концлагеря и «ударные стройки». Капиталистические демократии прибегали к сходным процедурам с единственным, но важным отличием: попытки создания мировой «демократии» никогда не были связаны с идеей уважения всех культур всеми, напротив, ведущей была идея глобализации в рамках трансляции и ретрансляции культуры Запада (США и стран, позднее образовавших ЕС). Таким образом, интернационализму как практике и концепции «не хватило» опоры на духовно-нравственные ценности: он развивал способность любить «ближнего» и самого себя меньше, чем способность сражаться с ближним – и с самим собой. В результате развала СССР идеи интернационализма в странах бывшего СССР и странах социалистического лагеря была успешно и быстро снята, сменившись новыми идеями-симулякрами «вхождения в мировое сообщество /Европу» т.д. у одних стран (Украина, Польша, Прибалтика) и отсутствием идей как таковых у других (Россия). В любом случае, национальный вопрос был разрешен образом, позволяющим вернуться к асимметрии и несправедливости национализма, а также реализовать по мере необходимости практики более менее избирательного геноцида (фашизма). Фашизация не была узаконена, однако де факто существовала и существует на всем пространстве постсоциалистических

стран как единственный возможный вариант, позволяющий игнорировать этнические проблемы и неравенство как таковое: «неграждане» и «люстрируемые», «соотечественники» и иные «гастарбайтеры» и т.д. нужны государствам и сообществам лишь постольку, поскольку обслуживают экономические потребности «граждан», государства.

Мультикультурализм был создан в рамках капитализма для удовлетворения растущих потребностей «буржуазного космополитизма» в установлении контроля над всем населением мира – стран, регионов, континентов, всей Земли: транснациональные корпорации не могли не столкнуться с проблемами различий групп и людей разных наций, сословий, поколений, вероисповеданий, то есть разных культур и субкультур, а также с необходимостью решить проблемы взаимодействия людей с помощью идеологии и концепции, позволяющей более или менее унифицировать взаимодействие, превратив человека в часть «физического капитала». Как бы ни различались мультикультурные подходы, а также предшествовавшие и следовавшие за ними концепции: ассимиляции, «плавильного котла», «салатницы» и т.д., – они имеют много общего, связанного с решением задач унификации и оптимизации производства [9]: оптимизации служения населения буржуазным правительствам и транснациональным корпорациям, и, в перспективе, мировому правительству, внедряющему унифицированные идеологию и ценности, представления и понимания мира и самих себя людьми, деиндивидуализированные нормативы и ритуалы поведения. На этом пути мультикультурализм столкнулся с достаточно типичным и однозначным ответом населения в виде сепаратистских «несогласий». Будучи обращёнными на защиту собственных прав и отделение от других национальных, религиозных и т.п. групп и подгрупп, культур и субкультур, сепаратизм продемонстрировал более важное стремление людей «быть хозяевам своей жизни»: иметь свое понимание себя и мира (свое «мнение»), свои ценности и идеологию, отличные от идеологии глобализации и универсализации, свои

ритуалы и нормы. Свобода как самостоятельность и достоинство, как совокупность прав и обязанностей – основное, «непредусмотренное» мультикультурализмом явление. Мультикультурализм вырождается в системы предпочтений и самоизоляции культур и субкультур, ведя к росту фашистских настроений (потребности и желания «квалифицированных потребителей» становятся все «квалифицированнее») [1; 9]. Мультикультурализм, заявляя с одной стороны, политику справедливости, с другой, делает это лишь для того, чтобы «богатые богатели, а бедные беднели». Сохранять существующий порядок, избегая революций и волнений – основная задача мультикультурализма. Признание факта этнокультурных различий и «толерантности» позволяет государствам наращивать свое присутствие во всех сферах жизни людей, вторгаться в частную, разрушать семейную жизнь, деформировать стратегии социального воспроизводства (смертность и рождаемость населения), и, таким образом, закреплять неравенство все больше и больше. Исподволь стравливая «обычные» группы, группы большинства и группы предпочтений, «меньшинства», капитализм продолжает реализовывать идеал «разделяй и властвуй». Мультикультурализм воспитывает рентные, паразитические установки, формируя и развивая отношения зависимости и рабства жаждущих «хлеба и зрелищ», заботящихся лишь об удовлетворении инстинктивных программ – благополучия и размножения – вне зависимости от «программ» духовно-нравственных. Идентичность и жизнь человека и группы все более фрагментируется, становится лоскутной и в итоге погибает. К этому и ведет его мальтузианская модель «ножниц», внушающая необходимость коммодификации жизни, а также беспрепятственного, безответственного, комфортного и сакрализирующего потребителя потребления («Чтобы у вас все было, и чтобы вам за это ничего не было») [10]. Он дал дорогу компрадорской буржуазии, интересы которой не ограничиваются никакими – которые могут быть названы культурными – ценностями [13].

Транскультурализм, феномен пост-буржуазного, пост-капиталистического мира, пытается решить эти проблемы, не отворачиваясь ни от чего. Насколько его деятельность будет успешна – пока не известно, но у транскультурализма много достоинств, включая попытку объединить и придать реальный смысл императивам социального равенства и уважения культурных различий. Транскультурализм расцветает «на границах», в зонах «несостыковок», зонах, отношения в которых не могут регулироваться одной системой прав и одной идеологией. Столкновение, взаимодействие, взаимный обмен и диалог этих идеологий и ценностей, пониманий себя и мира (переживаний и представлений), норм и ритуалов приводит к возникновению новой, «гибридной» идентичности. «Гибрид» сознает противоречивость, но относится к ней и к противоречащим тенденциям с принятием и смирением [5]. Отношения людей и групп строятся ацефалично, кланово: государство все более перерастает в государство-церковь, живущее не по законам человеческим, но по законам духовно-нравственным. Отношения строятся как отношения значимого и ответственного дарообмена, как попытка заслужить собеседника – уважительное отношение к себе и к нему, понимание взаимодействия людей и групп как праздника, как повода для развития, открытия неведомого и постижение неведомого в себе и в другом. «В транскультурации «иное» не просто видимо, но и рассматривается не как препятствие, а как самостоятельный субъект, общение с которым может происходить только на подлинно паритетных условиях». При этом, «... в отличие от мультикультурализма, строящегося по-прежнему на западной игре со временем и игнорировании пространства, транскультурация смело развоплощает эту модель и реабилитирует пространство и субъектность «иного», ставя под сомнение сами изобретенные в западноевропейской культуре понятия модерности и традиции и выступая за реальный диалог равных культур в настоящем» [14, С.126, 143]. Транскультурная идентичность выступает как результат эгалитарного культурного взаимодействия, она скорее

гибридна, чем маргинальна, скорее целостна, чем лоскутна. Транскультурация, согласно Ф. Ортису, «прославляет самосознание периферии, точку схождения противоположностей, которая позволяет людям превратить границу в центр и создать текучие, но значимые идентичности взамен фрагментированных историй» [18, Р. ХLI; 19]. Она формирует своеобразное двойное сознание, существующее между мирами и культурами, в пограничье – «la frontera», в котором сталкиваются, смыкаются и перетекают друг в друга сущности и смыслы. Идентичности «пограничья» основаны на понимании «иного» как самостоятельного голоса: «Пограничье — неопределенное и расплывчатое место, возникающее в результате ... реакции на неестественную, навязанную кем-то границу. Оно в постоянном состоянии метаморфозы и его населяют отверженные и объявленные вне закона» [19, Р.3]. Человек с такой идентичностью – «метис» – «выживает путем культивирования в себе терпимости к противоречиям и неоднозначности» [15, Р. 3, I-II]. Такая личность и такая культура плюралистична и действует в плюралистичном мире: ничто не отвергается и не исключается, но, в зависимости от ситуации, изменяет свою ценность, меру присутствия, успешность. Такой человек не только сохраняет противоречия, он переводит амбивалентность в иное качество» [15, Р.79]. Можно предположить, что именно последний вариант может стать ориентиром для формирования и сохранения принципов экологии культуры: поиск пограничных, интегративных моделей построения внутренних и внешних отношений, которые будут способствовать профилактике и разрешению межкультурных конфликтов. Сама ситуация подталкивает исследователей и практиков, людей и сообщества к пониманию приоритета внутренней, сущностной, духовно-нравственной гармонии по сравнению с внешней, формальной, социально-экономической, а также внутренней ответственности по сравнению с ответственностью внешней, общества – по сравнению с государством, нравственности – по сравнению с правом [2; 7; 8; 11]. Транскультурализм, хотя и не фиксируется на равенстве прав, внутренне

признает право на существование всего, в том числе борьбы за выживание и ситуативности жизнедеятельности, наличия в ней, помимо глобальных и универсальных, ситуативных и локальных норм, аспектов и т.д. Важно также, что транскультурализм начал с «пограничья»: с индивидов и ситуаций. Глобальные модели изменения мира / страны, начиная с «верхов» и законов, неоднократно демонстрировали свою неуспешность. Попытки призвать государства к справедливости выглядят гораздо более комично, чем это могут представить многочисленные исследования государственной «легитимности: государство как сообщество несет в себе единственный смысл удовлетворения желаний тех, кто входит в «управляющий монолит». «Железный закон бюрократии» также четко формулирует и направления развития государства: все более тотальное подавление общества ради все большей защищенности и большего комфорта государства. Все большая и «естественная коррупция ради все более растущих желаний все более увеличивающегося клана «элиты». Все более активный и массовый рост проблем и конфликтов внутри «элиты», ведущий к ее неспособности управлять кем-либо вообще и к ее развалу. Напротив, начиная с низов, транскультурализм призывает «сшивать лоскуты реальности, сознания, нравственности, сознавая ущербность и стремясь к гармонии, стремясь к признанию всего богатства жизни и всех позиций, от диссенсуса к консенсусу, от шума и хаоса конфликтов и разногласий к упорядоченным и действительно инновационным решениям проблем. От внимания к собственной точке зрения к децентрализации, от неуважения, игнорирования и ненависти, к уважению, признанию, принятию. К согласию и любви вместо несогласия и использования. От коммодификации к ресакрализации. От несправедливости (односторонних) наказаний и нищеты, от насильственных, преступных попыток ее достижения, от все разрастающегося института права (и приоритета правовых норм, власти юстиции) и преступлений государства против населения, к справедливости (взаимной) поддержки и удовлетворённости, к ненасильственному воспитанию друг в

друге любви и ценностей и ответственности за свои поступки и проступки, помощи другим – в исправлении их ошибок и нравственным приоритетам как регуляторам отношений. Такая «идеальная» модель, по мнению транскультурализма, далека от идеала: человек и общество – «метисы» – сознают свою гибридность и наличие несостыковок. Они признают их и не льстят себя уверенной надеждой на превосходство. Они опираются на реальные и изначальные законы диалога, консенсуса, милости, братства, а не выдуманные и сиюминутные законы коммодификации, глобализации, консюмеризма и «толерантности».

Заключение. Изучение жизнедеятельности и взаимоотношений городских сообществ затрагивает как важную проблему вопрос культурного и социального неравенства сообществ, связанный с целым рядом различий, источниками которых являются как индигенные черты самих сообществ, так и характеристики человеческих отношений, связанные с особенностями социально-экономического уклада, политической и культурной сторон жизнедеятельности. В настоящее время глобализация и урбанизация сталкиваются с тенденциями этнического возрождения и рурализации. В результате возникают весьма интересные и неоднозначные явления типа «субурбанизации», при которой происходит слияние крупных городов в агломерации и метрополии, поглощение деревень, иных сельских поселений, активизируются человеческие, информационные и производственные потоки, в том числе миграции, происходит активная коммерциализация и коммодификация жизнедеятельности сообществ и людей, возникают более или менее локальные сопротивления в виде изоляции и самоизоляции сообществ и объектов производства. Это приводит к трансформациям культурных ландшафтов, городского пространства и времени, а также к трансформациям личностной и социальной идентичности жителей и актуализации деятельности.

Новые тенденции ведут к проблематизации привычных способов формирования и развития профессионально-трудовых и семейно-личностных

отношений. Они проблематизируют процессы поддержания и укрепления социального порядка и идеологических норм жизнедеятельности, социальной безопасности и взаимопомощи людей и сообществ в частных и публичных пространствах, провоцируют расширение репертуаров формальных и неформальных городских практик, наряду с расширением тенденций «лоскутизации» и «гибридизации» таких аспектов жизни людей как представление о себе и мире (персональная и социальная идентичность), отношение к себе и миру (ценностные, идеологические ориентиры), индивидуальные модели и социальные нормы поведения. Возникают «мозаичные» структуры, имеющие более или менее выраженные и стабильные границы отдельных фрагментов или «лоскутов», поддерживаемые таким механизмом как эгалитарная взаимность, добровольное самопричисление – самоотчуждение, гибридная идентичность и идеологический консюмеризм. В сфере этнических отношений идеологический консюмеризм и сопутствующие ему аспекты нашли выражение в практиках мультикультурализма и фашизма. Современные виды миграции одновременно содержат компоненты беженства, попыток спасти свою жизнь и выжить, и захвата, «колонизации наоборот», территориальной экспансии, попытку утвердить свое бытие и способность управлять своей жизнью и попытку избежать забот об отстаивании этой способности и жизни в целом. Сосуществование сообществ и культур оборачивается параллельным и во многом изолированным существованием людей, значительно отличающихся по своим ценностным и психологическим характеристикам, взаимопроникновение и взаимообогащение сочетается с взаимным отчуждением и взаимным обеднением. Идентичность мигрантов и аборигенов подвергается расщеплению и гибридизации: столкновения друг другом и чужой культурой, «беспредел улицы», перерастающий в беспредел в семейных отношениях – насущная проблема. Поскольку общечеловеческие ценности лишь декларируются, то интегрированной идентичности достичь становится невозможно: коммодификация поглощает остатки ценностных

ориентаций и культуры в целом. Человеческие существа становятся своеобразными, хотя и фиктивными, товарами, управляемыми законами спроса и предложения: коммодификация означает вытеснение духовных, человеческих ценностей ценностями потребления. Приоритет коммодификации и денег над «человеческим жизнеобеспечением» приводит к тому, что деньги становятся важнейшим способом «сакрализации» людей и вещей. При доминировании потребительских ценностей и прогрессирующей коммодификации социальный и человеческий капиталы в должной мере не используются и не развиваются, превращаясь в элемент манипуляции отношениями и жизнями людей и организаций, товар. Сама идентичность становится товаром, не отличающимся от иных товаров.

Стабильное развитие как мировой идеал-тренд реализуется тогда, когда развиваются не только и не столько технологии, но сами люди и сообщества. Когда люди учатся жить вместе, уважая себя и друг друга, другую культуру, религию, жизнь, трансцендируя существование, в том числе инстинкты и навыки, к высшим смыслам. Созданные же постмодерном модели развития общества в основе своей абсолютно внеэтичны, деструктивны, направлены к низшим инстинктивным программам, невежественности и бессмысленности: отказавшись от Бога, человек лишился культуры, а потом и самого себя. Постпостмодерн – это время ресакрализации, время возвращения к ценностям, к культуре. Насколько сложно такое возвращение демонстрируют балансирующие на грани Третьей мировой войны «цивилизованные страны»: защищая «демократию» без границ, забывают о сути – демократии как учете мнений и позиций всех людей. Границы же, как показывает транскультурализм, выполняют важные для культуры и всего человечества функции. Они позволяют человеку принимать свою конечность, зависимость, неприятие, трансформируя их в процессе ресакрализации в свободу, творчество и любовь. Там же и тогда, где и когда человек живет в любви, представления о справедливости и легитимности – такая же фикция, как и многие иные фикции

человеческой жизни. При этом вопросы культурного и социального большинства и меньшинства решаются не с позиции силы и власти, а с позиций уважения и заботы. О справедливости говорят там, где не говорят о любви. Современные мультикультурные дискуссии о большинстве и меньшинстве – одна из распространенных фальсификаций, содержащая ряд откровенных манипуляций: признание наличия таковых групп размывает нравственно и политически и так донельзя разобщённое и конфликтное сообщество, внося в дополнение к социальному неравенству, неравенство культур. Различия первичной и вторичной языковых личностей в мире мультикультурности может быть не столь значимо по сравнению с влияниями иных «идентификационных» категорий: пола, возраста, статуса профессионального и экономического, религиозных и политических ориентаций и т.д. Однако общий ключ к решению проблем – системное уважительное осмысление бытия – важнее учета различий или сходств по отдельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арпентьева М.Р. Мультикультурализм и миграция: беженцы, гастарбайтеры, кочевники. Калуга: КГУ, 2017. 260с.
2. Арпентьева М.Р. Проблемы взаимопонимания в мультикультурном консультировании // Представительная власть — XXI век. 2014. № 7-8 (134-135). С. 59-65.
3. Арпентьева М.Р. Современный сепаратизм: человечность и идентичность // Дневник АШПИ. 2016. №32. С. 19-24.
4. Арсентьев Н.М. Идея единения народов в стратегии современной национальной политики Российской Федерации // Гуманитарий. 2012. № 2. С. 6-11.
5. Бенхабиб С. Притязания культуры. М.: Логос, 2003. 350с.
6. Гемават П. Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров. М.: Альпина Паблишер, 2013. 41 с.
7. Гречко П. К. Человеческое достоинство и этническая пуповина истории // «Личность. Культура. Общество». 2011. Том XIII. Вып. 4 (67-68). С. 73-83.
8. Гречко П.К. Конфликт, терпимость, толерантность. Поликультурное общество: стабильность и коммуникация. М.: Уникум-Центр, 2003. 152 с.
9. Диалоги об идентичности и мультикультурализме / Под ред. Е.И. Филипповой, Р. ЛеКоадика. М.: ИАЭ РАН, Наука, 2005. С. 78–104.

10. Ильин, М.В., Коваль, Б.И. Две стороны одной медали: гражданское общество и государство // ПОЛИС. 1992. № 1. С. 193-201.
11. Минигалиева М.Р. Толерантность и мультикультурализм: современная этнопсихология и мультикультурное консультирование. Калуга: КГУ, 2012. 320с.
12. Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Изд-во НОРМА, 2003. 652с.
13. Сафронов, А. Компрадорская буржуазия и проблема «экономической отсталости» // Свободная мысль. 2009. № 12 (1607). С. 77-92.
14. Тлостанова М.В. От философии мультикультурализма к философии транскulturации. М.: РУДН, 2008. 251 с.
15. Anzaldúa G. Borderlands/La Frontera: The New Mestiza. SanFrancisco: Spinsters/Aunt Lute, 2012. 312p.
16. Beni G., Wang J. Swarm Intelligence in Cellular Robotic Systems, Proceed // NATO advanced workshop on robots and biological systems. Tuscany, Italy, June 26-30, 1989. N.-Y.: NATO, 1989. –P. 210-220.
17. Cawdron P. Xenophobia. Malawi, Africa: P. Cawdron at Smashwords, 2013.398 p.
18. Coronil F. Transculturation and the Politics of Theory: Countering the Center, Cuban Counterpoint // Ortiz F. Cuban Counterpoint. Durham, N.C.: Duke Univ. Press, 1995. P. XLI.
19. Ortiz F. Cuban Counterpoint. Durham, N.C.: Knopf, 2012. 408 p.
20. Peacock J. Secession: the Southern States leave the Union. - Mankato, MN: Bridgestone Books, 2003. 48p.
21. Preusse H.G. The New American Regionalism. Northhampton, MA: Edward Elgar, 2004. 250p.
22. Proslavery and Sectional Thought in the Early South, 1740–1829: an Anthology / J. Robert (ed.). Columbia: University of South Carolina Press, 2006. 259p.
23. Sectionalism Unmasked / Tremain H. E. (comp). N.Y.: Bonnell, Silver & Co, 1907. 322p.
24. Sorens J. The Cross-Sectional Determinants of Secessionism in Advanced Democracies // Comparative Political Studies. 2005. Vol.38. P.304-26.
25. Sugar M. Regional Identity and Behavior. N.Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2002. 194p.
26. Wagner M. Alberta: Separatism Then and Now. St. Catharines, ONT: Freedom Press, 2009. 138p.

M.R. Arpentieva
Kaluga, Russia

Modern city and models of multicultural interactions

ABSTRACT. Globalization and urbanization are facing the tendencies of ethnic revival and liberalization, there is active commercialization and commodification of

the life of communities and people, there is more or less local resistance in the form of isolation and self-isolation of communities and production objects, which leads to transformations of cultural landscapes, urban space and time, as well as to the transformation of the personal and social identity of the inhabitants, to the rethinking and actualization of the mediation and other activities aimed at harmonizing multicultural contacts. The aim of the work is to analyze the problems of the modern urban community in the context of analyzing the ways of reconciling (overcoming the barriers and conflicts) models of interaction and interrelations of different ethnic, religious, socio-economic and historical-political groups, this community of generators. The research method is a theoretical analysis of the main trends in building relations and interaction of various ethnic, religious, socio-economic and historical-political groups in urban communities. Results of the study: new tendencies in the development of human civilization, including its urban forms of life, lead to the problematization of the customary ways of forming and developing professional, work and family-personal relations, observance and retranslation of the norms of social order (law) and ideological norms of life, exacerbate the issues of social and personal security and their correlation with issues of freedom and the right to own life, social, physical and moral space-time. The identity of migrants and aborigines undergoes splitting and hybridization: clashes with each other and foreign culture, «street chaos», growing into lawlessness in family relations is a pressing problem of modern, anonymous, deprived of sacred and universally recognized values of society.

KEYWORDS: urbanistics, urban research, social inequality, globalization, urbanization, ethnic revival, ruralization, commodification, multiculturalism, desacralization.

About the author: *Arpentyeva Mariyam Ravilievna, grand doctor of psychological sciences, associate professor, professor of the department of the development and education psychology, Kaluga State University; e-mail: mariam_rav@mail.ru*

УДК 81.342

А.Р. Бекеева
Москва, Россия

Языковая политика в Новой Зеландии

Аннотация. Языковая ситуация в Новой Зеландии является экзогlossной несбалансированной, поскольку в функциональном отношении английский язык и язык маори, каждый из которых официально признан и юридически равноправен, неравнозначны. Самый распространенный язык в Новой Зеландии – английский, он продолжает занимать престижное положение во всех сферах коммуникации: в политике, экономике, образовании, науке, искусстве и